

Лев Золотайкин

Елена

Лев Золотайкин
Елена

«Издательские решения»

2015

Золотайкин Л.

Елена / Л. Золотайкин — «Издательские решения», 2015

ISBN 978-5-4474-0640-0

Смерть любимого человека – это катастрофа. Все чувства, сознание, все ощущения не хотят принимать потери: этого не может быть, вот же ее глаза, ее голос, она рядом. Потом время многое сглаживает, только пустота не может быть заполнена, и память без конца возвращается к той жизни. Эта книга об этой простой жизни и долгой любви.

ISBN 978-5-4474-0640-0

© Золотайкин Л., 2015

© Издательские решения, 2015

Елена

Лев Золотайкин

© Лев Золотайкин, 2015

Редактор Мария Ефимова

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Наша с Еленой жизнь:

1935 год – родилась Елена,

1937 год – родился я,

1963 год – мы познакомились,

1977 год – мы поженились,

1 февраля 2008 года Елена скорпостижно скончалась.

Я с тупой надеждой ловил ее дыхание.

Вот совсем ровное... перерыв... опять ровное... перерыв...

Врач накрыла лицо Елены простыней.

Принесли ширму и отгородили кровать.

Мы с Еленой остались одни.

А накануне вечером, после всего кошмара и суеты врачей дыхание у Елены выровнялось. Кончились хрипы, лицо опало, почти сошла синева, появился румянец.

Я все время держал руку Елены с иглками от капельниц, но тут она уже совсем успокоилась и затихла.

К приезду Гали, а потом Лени с женой, она уже как бы спала.

Я совершенно не умею разговаривать с врачами. Всегда это брала на себя Елена. Но Леня и его жена работают в институте Склифасовского, поэтому у них разговор с врачом начался профессионально, со слова «коллега».

В общем, решили, что сейчас Елену трогать нельзя и потом уже вечер, а утром мы организуем ее перевод в Склифасовского. Там все по-другому и специалисты, и аппаратура.

Мы с Галей привезли из дома чистое белье, купили в аптеке памперсы, и Галя уехала.

Часов в девять врач сняла капельницы. Я собрал всех дежурных сестер, и мы Елену переложили, сменили постель, уложили ее немного на бок, и дыхание вроде стало еще лучше.

Я дремал у кровати. Тишина. Страх во мне сменился туманной надеждой, что вот Елена проснется, не поймет, где она находится, а я ей все объясню и успокою...

Неожиданно, где-то часов в шесть, Елена стала часто дышать.

Я побежал за дежурным врачом, все еще спали, с трудом нашел ее на другом этаже.

Врач пришла, сразу вызвала еще одного врача, сделали несколько уколов. Я волновался, лез с вопросами, а они с отрешенными лицами меня не слышали, сделали еще укол... Наконец, дежурная врач с какой-то прямо злостью сказала: «Ну, что вы не понимаете, что она умирает».

А неделя началась как обычно. В понедельник Елена занялась уборкой квартиры. Теперь она это делала с передышками и за день не успевала.

Вечером прихожу – Елена с тряпкой в руках, вытирает пыль.

– Ты что это на ночь глядя?

– Как ты не понимаешь? У меня вечером сил больше.

Елена всю жизнь была ночным человеком.

Я встаю в пять утра, к десяти вечера у меня глаза слипаются. А у Елены за полночь идет все самое интересное по телевизору.

В среду вечером Елена объявила, что утром она хочет съездить в «Ашан» (от нас это минут двадцать на маршрутке).

Ходить с сумками Елене уже давно было тяжело. И в наши большие магазины: «Рамстор», «Перекресток», «Ашан» мы отправлялись запасаться по выходным.

Шагали так это не спеша, под ручку, как бы гуляя по делу.

Обратно я тащил сумки, но Елена же не могла быть слабой и обязательно требовала:

– Дай мне одну сумку.

– Не дам.

– Дай, тебе говорю.

– Не дам...

Конечно, я сразу начал ее уговаривать подождать до субботы, но Елена уже решила:

– Я чувствую себя нормально. Что я дома засиделась? Прогуляюсь за мелочами.

Раньше я с работы звонил по необходимости, Елена могла прилечь отдохнуть, и я боялся попасть в этот «тихий час». Но тут как-то мы решили среди дня перезваниваться: дескать, старые уже, нужно страховаться.

Поэтому часа в два, решив, что Елена уже вернулась, я позвонил и услышал в трубке: «Это скорая помощь...»

От неожиданности я выключил связь и тут же набрал снова.

– Вы что трубку бросаете? Вы кто?

– Муж.

– Вашу жену подобрали у «Ашана», везем в больницу.

Дальше путанный разговор, из которого я, наконец, понял, что это больница в старых Химках.

Я на стройке в Мытищах, сидим в прорабке, напротив мой напарник, смотрит на меня вопросительно.

Слава богу, у него машина и мы сразу поехали.

Елена лежала в торце коридора, у окна.

Вся в капельницах. Глаза закрыты.

Вид был ужасный, лицо посинело, раздулось, не дыхание, а какие-то хрипы.

На меня сразу бросились: «Где документы?» Тут же кучей лежали вещи, я порылся в сумке, достал кошелек, паспорт. Заставили пересчитать деньги. Мне не до этого, но им важно, что денег довольно много и все целы.

Врачи суетились с уколами, толком ничего не отвечали, и не мог я связать их отрывистые слова: «скачок давления», «кровоизлияние», «сердечный криз»...

Видно, что очень плохо, нужно спасать.

А что значит спасать? Вроде вот и спасают. Уколы, капельницы, врачи работают.

Так, в суматохе прошло часа два и внешне состояние Елены стало улучшаться. Дыхание наладилось, хрипы остались, но редкие, и эта жуткая фиолетовость постепенно сошла.

Вспоминая эти часы, реплики врача, мне теперь кажется, что она с самого начала считала положение безнадежным. Поэтому и была такой нервной и раздраженной.

Что вообще можно было сделать при таком диагнозе: «внутричерепное кровоизлияние при гипертонической болезни»?

Сон Елены нас тоже убаюкал, и мы слишком понадеялись на «завтра».

Можно только очередной раз проклинать условия нашей жизни, наши власти и самих себя за то, что все терпим.

Химки – та же Москва, столица. А в ней центральная городская больница без отдела реанимации и без современной, специальной аппаратуры.

Каких врачей обвинять? И до какой правды докапываться?

Лучше уж не тревожить покой и память Елены.

Уже больше года, как Елены не стало.

Прошли похороны, поминки, девять дней, сорок дней, день ее рождения, годовщина. Каждый раз в нашей маленькой квартире собирались родные и друзья: Ирина Пригожая, Неля и Юра Майоровы, Лида Александрова, Таня и Валерий Корнюшко, Таня Крюкова, Людмила и Евгений Писаревские, Женя Князева, Люся Дубская, Лена Потапова, дочери, внучки, соседи по дому...

Вспоминали, какая Елена была яркая, красивая и обаятельная женщина. Как много в ней было доброты, сердечности, желания помочь, утешить, успокоить. Как с ней было интересно общаться, каким она была душевно богатым человеком.

Все это время я искал себе заботы и хлопоты: бегал по магазинам, готовил и накрывал столы, разбирал все наши бумаги и документы. На Химкинском кладбище переделал могилу Екатерины Васильевны, теперь их общую с Еленой, заполнил живыми цветами этот крохотный садик.

Я цеплялся за ощущение самого для меня главного, нашего дома, в котором я, как всегда, что-то делал для Елены.

Елена.

Любимая женщина.

Мы были вместе больше сорока лет, но я так и не научился говорить «моя женщина». Елена всегда была самой в себе, всегда близко и чуть поодаль. Что-то у нее в душе постоянно варилось и созревало.

И я всю жизнь был к ней прилеплен, находясь в постоянном калейдоскопе состояний: удивления, досады, любви и радости.

Последние четыре года, каждый сентябрь мы приезжали в Евпаторию. Я выучил наизусть узкие, кривые улочки старого одноэтажного города.

– Вот наш двор, а дом уже сломали... здесь подруга жила, я ей стучала в окошко и мы бежали в школу... а вот школа (простенькое свежепокрашенное здание) ... а это улица, где Пригожие жили...

Мы едем на смешном одноколейном трамвае и я, хихикая, продолжаю экскурсию: «А это, Лена, больница, где ты Галю родила».

Но главное для Елены море. Мы ходим на «дикий пляж». Это тут же в старом городе, огромные, бетонные, уходящие в море ступени, протянувшиеся почти на километр.

Я хвалюсь, показываю разные кроли и батерфляи, которым научился на своей маленькой Протве, а Елена в море, как дома, она, улыбаясь и почти не шевелясь, быстро удаляется от берега.

Я нервничаю, кричу: «Назад» (мало ли сердце).

Елена, удивительное дело, слушается.

Ступени высокие, да еще скользкие от водорослей, я протягиваю руку:

– Не надо. Я сама.

Ну, конечно, всегда «сама». Опираясь на коленку, Елена одолевает одну ступеньку... другую... и вот уже стоит на площадке, очень довольная собой.

Вечерами мы приходили окунуться и посидеть на ступеньках. Море чуть шелестит. Такая философская, расслабляющая тишина. Покой.

Везет же людям родиться у моря.

Мы смеялись, говорили о пустяках. А ведь была возможность оглянуться в прошлое, покопаться в душе. Время самое подходящее, уже за семьдесят лет.

Но нашим родителям, измученным нуждой, было не до душевных бесед. И нас они к этому не приучили.

Елена всегда рядом и мне кажется, что я знаю ее наизусть.

Но вот ее вдруг не стало, и у меня сразу оказалось масса вопросов, а ответа уже нет.

Вот и собираю я нашу жизнь по скучным документам, немым фотографиям и оставшимся в памяти, случайным картинкам и словам.

Мы совсем не думали о разлуке. Правда, один раз я как-то к слову сказал, что мы с Аленой заходили в деревне на наше кладбище, и я ей показал место, где меня похоронить.

– Как в деревне? – тут же возмутилась Елена. – Я что, буду туда ездить!..

Пауза... и мы рассмеялись...

Не приходило мне в голову подводить итоги. Казалось, мы на ногах и еще столько сил. А Елена, оказывается, все же оглядывалась и что-то там перебирала, только я в своей отрешенности этого никак не чувствовал.

Летом 1953 года Елена окончила школу с серебряной медалью, приехала в Москву и поступила в институт.

Почему в МИИТ? Почему, например, не в актрисы?

Не знаю. Не догадался спросить.

Наверное, Елена была прагматиком. Вроде меня. Я очень хотел учиться на журналиста, но было точно известно, что туда поступают только по благу. Поэтому мы с Гайяром, тоже медалисты, оглянулись, какой институт поближе к дому, и потопали в МИИТ, ну а мосты – это уже немного романтики.

А вот поступок Елены меня поражает. Особенно после того, как я проникся ее маленькой родиной.

Саня Пригожий тоже из Евпатории, но он парень, ему все равно уезжать, не в институт, так в армию. Как же Елена решилась поехать бог знает куда?

Справка о МИИТе

Старейший московский институт инженеров железнодорожного транспорта (МИИТ), тогда имени И. В. Сталина, в перестроечные годы стал университетом.

Факультет «Мосты и тоннели» считался сложным, «мужским», а факультет «Промышленное и гражданское строительство» (ПГС) – легким, «женским».

Мостовики с удовольствием помогали симпатичным «пегеэсницам». Пример – семья Сани и Ирины Пригожих.

Елена получила профессию «инженер-строитель мостов и тоннелей» с мостовым уклоном и стала одним из немногих выпускников института, в том числе и мужчин, кто всю жизнь работал по своей специальности.

Еще в институте Елена вышла замуж за однокурсника. Была шумная комсомольская свадьба и в том же году родилась Галя.

Елена взяла академический отпуск, и целый год жила в Евпатории. Там было тепло, море и мама очень вкусно готовила. Тогда в Москве мы все ели не до сыта, а уж приезжие особенно.

Когда Елена вернулась в институт, я уже учился на следующем за ней курсе.

Я тоже женился в институте, и тоже родилась дочь, которую мы назвали (тайные намеки судьбы) Леной.

Так что около трех лет мы с Еленой ходили по одним коридорам.

Хотелось бы «вспомнить», как мы случайно столкнулись и «внимательно» посмотрели друг на друга.

Но нет. Не было.

У судьбы все по порядку.

По своему составу оба курса, на которых училась Елена, до и после рождения дочери, были преимущественно иногородними.

В Москве собрались юноши и девушки из унылой советской провинции. Москва поражала и восхищала, но относилась равнодушно к нищим студентам. И они организовали свою красивую, столичную жизнь в аудиториях, в общежитии, а главное, в большом и прекрасном Доме Культуры МИИТа.

Амбициозная, приезжая молодежь кипела энергией. И вот уже гремел знаменитый в институте ансамбль – «Мальчики Томсона», пела собственная звезда – Эльда Главацкая, читал стихи, исключительно про любовь, обожаемый поэт – Саня Пригожий и дурачились на сцене несколько очень смешных ребят. КВН тогда и в помине не было, но что-то похожее, и даже лучше, они изображали.

А на наш курс «пошла Москва». Приезжих в тот год приняли намного меньше прошлых лет. Мы с Гайяром попали в первую группу, которую вообще собрали из московских медалистов, иногородних у нас было всего несколько человек.

Москва всегда была криминальным городом. Революция и войны сделали всю страну бандитской, но большая, богатая Москва оставалась первой по своей истории и традициям.

Я родился и жил на Трубной улице. Вокруг: Цветной бульвар, Сретенка, Сухаревка, Марьяна Роща, то есть «воровское гнездо» столицы.

Старая Москва была дворовой. Все выходы из квартир – во двор и уже через арку на улицу. Раньше ворота в арках запирались и охранялись дворниками. Потом ворота исчезли, а дворники остались и вместе с участковыми милиционерами нас воспитывали.

Коммунальные квартиры в доме были очень тесными, поэтому крупные скандалы выносились во двор, с апелляцией к народу. Таким же манером выплескивались во двор и большие торжества и праздники.

Мы наизусть знали все самые хитрые проходные между окрестными улицами и переулками, а вот во двор напротив без дела не заходили – там была чужая территория, свои хозяева.

У нас во дворе не было старших ребят: кто-то сидел по тюрьмам, кто-то где-то пропадал, мой родной и двоюродный братья после седьмого класса уехали в Баку и поступили в морское училище, а другой двоюродный брат мотался с геологами.

Потом, когда дворовую дружбу сменила школьная, я уже в основном обретался у своих приятелей одноклассников, у Генки и Гайяра, в их «татарских» дворах.

Было время на задних партах у нас сидели здоровенные лбы – второгодники.

Потом вся эта муть постепенно рассосалась и в школе, и на улице.

К старшим классам мы стали уже вполне добропорядочными мальчиками и с девочками из соседней школы репетировали разную классику. Мой друг Генка так рвал из себя сердце Данко, что я падал со смеху, а учительница бросалась его успокаивать.

С естественным тогда волнением мы вступили в комсомол, а в десятом классе я даже был секретарем комсомольской организации школы.

В общем, учителя сумели нас увести от уголовной улицы.

Тогда и распространилось мнение, что после школы ребенок обязательно должен поступить в институт. Сразу образовались большие конкурсы, пройти которые стало как бы делом чести.

Студенческая жизнь мне очень нравилась. У нас образовалась неразлучная, развеселая четверка: Баграт Арутюнов, Саша Шрабштейн, Леша Сперанский и я. Студенты все веселые и в этом общем настрое мы успешно потешали свою группу, а на общих лекциях наши с Багратом стишки и разные хохмы развлекали весь курс.

А вот общественная жизнь нас совершенно не интересовала. Мы посмеивались над энтузиазмом старшекурсников и уклонялись от разных предложений, вроде сочинения программ тех же вечеров. Юмор по заказу не получался. Мы с удовольствием варились в своем окружении.

Конечно, на вечера мы ходили, смеялись на концертах, танцевали, но все наши групповые вечеринки проходили в городе, в основном на квартирах наших гостеприимных однокурсниц.

Правда, в студенческой газете напечатали несколько моих фельетонов под «загадочным» псевдонимом «З. Лев». Редактором газеты был однокурсник Елены Виктор Белицкий. Мы с ним встречались и после института, когда я баловался сочинительством, а он уже стал профессиональным журналистом. Так вот он просто давал мне материал и на пару часов запирал в своем кабинете.

А вот, если бы я не капризничал и ближе подружился со старшекурсниками, глядишь, и с Еленой бы познакомился.

Но опять нет.

И очень хорошо и правильно.

Любовь должна быть подготовлена. Как потом говорила Елена, копаясь в своей астрологии: «Все должно сойтись в месте и во времени».

Вспоминая институт, да и школу тоже, я удивляюсь, как много у нас было свободного времени. А сейчас все учащиеся очень перегружены и озабочены, впрочем, возможно не столько науками, сколько массой разных соблазнов и возможностей.

А мы жили в искусственной стране с естественно простодушной реакцией на предлагаемые обстоятельства.

Мы прогуливали, убегали с лекций, списывали все, что можно, пользовались конспектами старательных однокурсниц, но не были совсем уж шалопаями, а последнюю сессию я, вообще, сдал на «отлично», да еще с четвертого курса работал на полставки в институтской мостоиспытательной лаборатории.

Досуга-то хватало, а вот денег не было совсем.

Так что развлечения были самые дешевые: кино, выставки, иногда театр, по рукам ходило много интересных книг.

У одной девушки я выпросил «Библию» – огромное дореволюционное издание, и у меня хватило времени ее прочитать.

Баграт, у которого родители бывали за границей, и, вообще, он жил в «доме на набережной», приносил много джазовых пластинок.

А однажды мы с одной симпатичной однокурсницей попали на живой импорт. Это, когда к нам из Америки приехал мюзикл «Моя прекрасная леди».

Музыка, костюмы, актеры – все американское и на английском. Это было шикарно.

Еще в институте я стал поклонником известной тогда певицы Аллы Соленковой, ее удивительной красоты и чистоты серебряного голоса. Конечно, у подъездов я ее не ждал, но ходил на все концерты, благо пела она в Москве всего два-три раза в год, в зале Чайковского. Ну

еще, в том же зале она пела арии Сольвейг в литературно-музыкальной композиции Всеволода Аксенова «Пер Гюнт».

Но я ухитрился попасть и на ее единственное выступление в Большом театре. В тот день оперой «Вертер» со слушателями прощался великий Сергей Лемешев. В зале светопреставление, поклонницы рыдают, голос певца тонет в криках и аплодисментах, шестидесятилетний юбиляр полноват для юного Вертера. Остальные солисты тоже были в теле и в возрасте. Среди них хрупкая Соленкова прозвенела своим колокольчиком и на этом ее театральная карьера закончилась, и вообще она как-то странно исчезла.

Еще одной культурной вехой для меня невольно оказался Леша Сперанский, вернее место его обитания. Прожив все детство в Барвихе, Леша, став студентом, поселился у своей тетушки, известной переводчицы Н. Дарузес. Его родная сестра оказалась у тетушки еще раньше, совмещая секретарские и хозяйские обязанности. Вот я и стал их частым гостем. Сама хозяйка скрывалась где-то в глубине квартиры, и я мог беспрепятственно пользоваться ее огромной библиотекой, где был и весь запрещенный тогда «серебряный век», и вся опальная литература 20-х и 30-х годов, и книжные новинки, которые тетушка получала как член Союза Писателей.

Так что за студенческие годы сильно поменялись мои авторитеты и, вообще, весь литературный табель о рангах.

Позже с книгами из этой библиотеки я успел познакомиться и Елену.

Закончив институт, Елена получила распределение в подмосковный Мостоотряд, где уже работал ее муж, что и помогло им не уехать бог знает куда, а закрепиться около Москвы. Сначала это было общежитие в Спасе, в районе Тушино, потом квартира в Химках.

Елена четыре года отработала в Мостоотряде инженером технического отдела. Про эту свою жизнь она мне практически ничего не рассказывала, а я и не допытывался – дескать, что мне за охота слушать про ее радости без меня, хотя по своему отрядовскому опыту могу представить, что жили они на стройке весело, тем более в совсем молодые годы.

Потом у них произошла малопочтенная авария: во время монтажа рухнул пролет небольшого моста. Можно было такой казус пережить, но дело осложнилось гибелью рабочего, при этом, что он долго лежал в реке, у всех на виду, придавленный бетонной плитой.

Отряд расформировали, и Елена оказалась в ЦПКБ.

Наверное, для Елены это была большая удача. С рутинной отрядовской должности она попала в организацию качественно иного профессионального и кадрового уровня.

Ну, и вообще – мы встретились.

Справка о ЦПКБ

Центральное Проектно-Конструкторское Бюро (ЦПКБ), потом Специальное КБ (СКБ), а еще позже уже институт «Гипростроймост» Главмостостроя – единственная в нашей стране организация, проектирующая способы постройки больших мостов.

Наши проекты так и назывались: сложные вспомогательные сооружения и устройства (СВСУ) для строительства больших и внеклассных мостов.

Работа уникальная и сложная, потому что большие реки очень разные, а еще широкие, глубокие и быстро текут.

Проект постройки уникального моста больше по объему и дороже проекта самого моста.

Ну и, конечно, инженеры ЦПКБ – «Гипростроймоста» – признанная творческая элита нашего мостостроения.

Елена проработала ведущим конструктором и руководителем бригады более 20-ти лет. Благодарная организация до конца жизни добросовестно присылала ей поздравительные открытки по большим праздникам.

Меня в ЦПКБ порекомендовал кто-то из преподавателей института, с которыми я общался в лаборатории, и которые в свою очередь подрабатывали в ЦПКБ. Мостоиспытательное начальство тоже оформило на меня заявку, и какое-то время я висел между двумя организациями, но ЦПКБ к счастью перетянуло.

В тот период ЦПКБ решило омолодиться и сразу приняло много выпускников с нашего курса и с обоих курсов, на которых училась Елена. Поэтому работа в чем-то стала продолжением институтской жизни: много знакомых лиц и похожая общая атмосфера.

Товарищи Елены, крепкие общественники, и на работе принялись устраивать вечера, конкурсы, капустники, выпускать стенные и световые газеты, вообще, всячески тормозить и эпатировать старые кадры.

И вот тут я уже во всем принимал активное участие. Еще мои маленькие пародии стали печатать в разных журналах, особенно в «Крокодиле», и даже читать по радио в утренней развлекательной передаче (а ведь мы уже забыли, что совсем недавно вся страна была окутана проводами и в самых глухих уголках обязательно висел репродуктор – главный источник всей информации). В общем, я тогда был в коротком расцвете своего, как потом выразилась Елена, «искрометного» остроумия. Заметив, что меня от этого слова всего передернуло, Елена-умница больше никогда его не произносила. Она вообще очень чутко себя корректировала.

Как-то на перекуре мелькнула идея во время отпуска сплавить на плотях. Сразу всем очень захотелось. Но ближе к делу осталось лишь четверо желающих. Мы, абсолютные туристы-дилетанты, поездом доехали до Оренбурга, а там, на берегу реки Урал напилили жердей и собрали плот на автомобильных камерах. Никто нами не заинтересовался, только вечером к костру подошел удивленный милиционер, расспросил, кто мы такие, перекурил, согрелся стаканчиком и пошел по своим делам.

Две недели мы плыли по течению, снимая все подряд примитивной камерой. Больше всего запомнились лютые вечерние комары и такой шик, как уха из стерляди. Но главное, судьба нас пощадила с погодой, не было никаких штормов и мы, слава богу, благополучно вернулись из этого путешествия. А наш фильм с успехом был показан на одном из вечеров.

Еще это было время повального увлечения пинг-понгом и билиардом. Резались в обед и после работы. Играли и очень почтенные люди, начальники, вокруг собирались остряки-болельщики. И страсти кипели, особенно, когда мы, шпана, замахивались на корифеев.

Я «заболел» обеими играми и допоздна торчал на работе.

Елену я учил пинг-понгу. Она очень мило старалась, и у нее очень мило не получалось.

Справка о работе в ЦПКБ

Все работники ЦПКБ были распределены по бригадам.

Бригада – 6—10 человек. При аврале могли позаимствовать специалистов из других бригад. Во главе бригады стоял отец родной – главный инженер проекта (ГИП).

Тогда было естественным максимально работать на месте стройки. В нашей упорядоченной стране срок командировки разрешался не более месяца, дальше сразу выписывали из гостиницы. Мы разными путями обходили эти рамки или просто на несколько дней возвращались в Москву.

Собирались, как мешочники: чертежные доски, рулоны ватмана, справочники, вся рабочая мелочь до кнопок и ластиков. Работали обычно прямо в номерах гостиниц. Вагончики мостоотрядов были всегда переполнены, да и стояли они, как правило, на другом, сельском

берегу реки, и, например, в Перми перебираться через километровую Каму было сложно, особенно зимой.

Самые волнения были при устройстве в гостиницу. Простой человек туда попасть не мог. Таблички «мест нет» стояли, как памятники, в гранитном исполнении. Пропуском была только команда с самого «верха», от городских властей.

ГИП очень тщательно подбирал сотрудников не только по деловым качествам, но и по житейской совместимости.

Территориально ЦПКБ занимало два помещения: недалеко от метро «Сокол», верхний этаж большого здания вечерних факультетов МИИТа (кличка «провинция»), и два этажа здания в Ветошном переулке, напротив ГУМа, то есть почти на Красной площади (соответственно и кличка «столица»).

Мы с Еленой встретились на Соколе.

Все свои девять лет в ЦПКБ я проработал у Гевондяна.

Завен Серапионович, высокий, худющий, совсем не типичный, застенчивый армянин. Может из-за ранней седины он нам с Максом казался пожилым, «стариком», а ему было чуть больше сорока лет.

Как-то в командировке, расслабившись, он немного пооткровенничал. Оказалось, что у него есть любовь, чуткая женщина, и есть совершенно прозаичная жена, а еще обожаемый сын и вообще семья.

Интеллигентнейший, деликатнейший Завен Серапионович – все житейские проблемы были для него совершенно неразрешимы.

А вот специалистом он был от бога. Наши ветераны, которые всех руководителей считали бестолковыми засранцами, «Завенчика» встречали с улыбкой.

Мы по молодости лет все проблемы брали штурмом, а Гевондян сомневался, тянул, крутил вопрос в разные стороны и часто находил такие решения, что мы с Максом смущенно поджимали хвосты.

Вообще работа мне очень нравилась.

Что-нибудь решив, очень модно было задать вопрос: «А не дурак ли я?» И ответ, стараниями друзей-коллег, часто бывал положительным.

В результате, в моей жизни оказалось два начальника и два коллектива, о которых я всегда помню, как уже о недостижимых образцах – это бригада Гевондяна и Мостоотряд-4 во главе с Михаилом Матвеевичем Грутманом. Все остальные многочисленные работы уже не дотягивали до такого уровня профессионализма.

У обоих начальников я ходил в «любимчиках», а чисто по житейски: Гевондян принял в бригаду Елену, он же, «спасая» меня, убрал ее подальше и, действительно, спас наши отношения от губительного ежедневного привыкания; Грутман дал мне квартиру, а, когда я развелся, отчески матерясь, выхлопотал мне комнату в Химках, то есть опять все как-то связалось с Еленой.

В Химках были, и до сих пор работают секретные космические заводы. Грутман дружил с заместителем генерального директора Мельниковым – тогда фактическим хозяином Химок.

Дружба была очень выгодной. Выполняя небольшие работы, вроде путепровода на железнодорожной станции, Грутман получил в Химках много квартир для своих сотрудников.

Грутман брал меня на деловые встречи с Мельниковым, которые проходили, как сейчас принято, в неформальной обстановке, под Клином. Там же находился пионерский лагерь и моя бригада монтажников строила в нем бассейн. И, естественно, в лагерь была устроена моя дочь.

Если сюда добавить, что первый мост, на котором я работал в Мостоотряде, строился через канал на Ленинградском шоссе, почти рядом с домом Елены, то Химки для меня действительно мистическое, знаковое место.

Справка о бригаде Гевондяна

Владимир Иосифович – помощник ГИПа, очень правильный мужчина лет пятидесяти, единственный наш член партии. Женщин возмущала его жена, которая, видите ли, играла на арфе и берегла пальцы, а все домашнее хозяйство, дачу и двоих детей тащил на себе бедный Владимир Иосифович.

Через несколько лет, во время командировки в Кутаиси, мы с Владимиром Иосифовичем будем жить в одном номере, и ночью он умрет от сердечного приступа. Я ничем не сумею ему помочь, а скорая помощь опоздает.

Парзик Леоновна, просто Парзик, маленькая симпатичная брюнетка, тоже за пятьдесят, очень душевная, но с восточной стервозностью.

Парзик наивно считала, что своим возрастом и порядочностью она гарантирует отсутствие супружеских измен в наших командировках.

Макс и Валентин – однокурсники Елены, главные расчетчики в бригаде, опора Гевондяна. Макса я знал еще по работе в институтской лаборатории, а уже в бригаде мы стали признанной дружеской парой.

Ольга – женщина за тридцать, наш незаменимый техник и калькировщица, ксероксов тогда не было.

В разное время работало еще несколько ребят и девушек.

Когда я пришел в бригаду, главным объектом был мост через реку Каму в Перми. Буквально через несколько дней я уехал туда в командировку, и на четыре года Пермь стала почти вторым домом.

В институте внешность друг друга как-то не обсуждалась, а тут женщины сразу отметили мою «глазастость» и Ольга даже как бы возмутилась:

– Ну, зачем мужику такие опухали? Давай меняться, а то меня замуж не берут.

А Парзик, когда мы устраивались в гостиницу, отправляла меня постоять около стойки администратора:

– Похлопай глазами, может, поубреет.

Конечно, номеров за красивые глаза не давали, но все-таки смеющаяся администратор казалась человечней.

С работой я быстро освоился. ЦПКБ было прекрасной школой. Старые ГИПы имели огромный опыт строительства мостов на больших и сложных реках Сибири и Дальнего Востока при наличии, в общем-то, довольно примитивной техники. Поэтому проектировщики тогда были очень изворотливые и придумывали много оригинального.

Я приставал к ним с разными вопросами, они наизусть знали наши архивы, и мы подолгу копались в старых проектах. Теперь уже и я представляю, какое удовольствие для старика внимательный слушатель.

И вот в один прекрасный зимний день 1963 года открылась дверь, и Гевондян вошел с молодой красивой женщиной.

– Познакомьтесь, наша новая сотрудница, Елена Филипповна Пекарская.

Где у нас свободный кульман?

А свободный кульман рядом со мной.

Смущенная Елена стала устраиваться, приветливые Парзик и Ольга ей помогали, попутно знакомя с бригадой:

– А это, Леночка, Лев. Вы с ним осторожней, он у нас очень коварный.

Да уж, такой коварный, что залился краской до ушей, и женщины засмеялись.

Потом уже Елена вспоминала, как она внутренне ахнула и сказала себе: «Все, мать, пропала».

Ну, это Елена немного романтизировала свои воспоминания, но, конечно, и у меня волнение началось сразу. Так улыбается красиво, а из глаз просто лучи.

В нашей большой комнате, где сидела еще одна бригада, постоянно возникал треп на разные темы. Я в нем активно участвовал, смешил публику, но теперь уже всегда с тайной оглядкой на Елену.

Вообще-то, при всей нашей внешней общительности, мы с Еленой были очень зажатые, да, и все были такими же, это еще витало в воздухе от прошлых лет.

Вроде такой бойкий в разговорах, я в знакомствах был очень стеснительным, а Елена по натуре была очень сдержанная, да и в коллектив она еще только встраивалась.

Слава богу, судьба нам помогла, а то мы бы еще долго мучились со своими комплексами.

Елена родилась 28 апреля, именно на этот день в ЦПКБ назначили первомайский вечер. Все, как всегда: торжественная часть, концерт и застолье в институтской столовой.

Из всего я помню только танцы.

Мы танцуем с Еленой, я что-то нашепываю, Елена смеется...

– А у меня сегодня день рождения...

– Правда? Поздравляю...

– Спасибо...

– Леночка...

Замечательно, что в танце можно быть так близко, почти обнимать... Какое почти! Мы уже обнялись, и лица совсем рядом, и я целую в шейку...

Людей так много. Толкают. Мешают.

Мы оказываемся в пустом темном здании института и находим самое укромное место.

Потом я провожал Елену в ее далекое Тушино. Домой вернулся глубокой ночью.

Начались наши встречи и мои ночные путешествия на последних электричках, товарных поездах, запоздалых автобусах и уборочных машинах.

Мы тайно побывали в моей коммунальной квартире на Цветном бульваре.

Потом Тушино, комната Елены в общежитии.

А потом... потом было много всего.

Оказалось, что мы просто созданы друг для друга, и какое счастье, что мы, наконец, встретились!

Тут, очень кстати, появился роман «Мастер и Маргарита»:

«Любовь выскочила перед нами, как из-под земли выскакивает убийца в переулке, и поразила нас сразу обоих!» – читали мы абсолютно про себя.

Недавно Ирина мне рассказывала, как Елена вроде бы переживала:

– Представляешь, он меня каждый раз провожает до дома. Возвращается ночью. Мне его так жалко.

Ну, это Елена кокетничала перед подругой.

Может быть, провожания были наши лучшие часы.

Время летит. Нужно обнять, поцеловать, сказать.

Каждая минута последняя.

А еще можно было сойти на Левобережной и погулять в лесочке.

Ночь, луна, звезды. Мы одни в мире.

Мы встретились уже взрослыми людьми. У обоих семьи, маленькие дочери.

Нам казалось, что мы нашли свою судьбу, но жизнь была до того бедная и так нас привязывала к единственному жилью и налаженному семейному быту, что нам пришлось еще долго жить в практически разваливающихся семьях.

Проза жизни много раз напомнит о себе, но пока мы были в эйфории, очень заметной для окружающих.

Первый раз мы с Еленой пошли на концерт и сразу засветились. Мой очень любопытный сокурсник, знавший мою жену, а теперь еще и наш коллега с Ветошного переулка, тарасил на Елену глаза и со своего места делал мне разные знаки, дескать, что это значит?

Смотрели мы в ЦДРИ блестящий вечер пародий группы В. Полякова (все его помнят по роли фокусника в «Карнавальная ночь»). Было очень смешно, только вот проклятый Эдик никак не мог успокоиться.

Скоро небольшой группой мы поехали в Пермь, в нашу с Еленой первую и последнюю командировку.

Какое счастье, свободные в чужом городе! Только Владимир Иосифович хмурится и Парзик с Ольгой поджимают губки. Как так, я был собственностью бригады, а тут не успела появиться и сразу все ей.

Сама Елена вела себя идеально, добросовестно корпела над чертежами, а я такой весь балованный и нетерпеливый портил ей репутацию.

Вот, например, всей компанией мы отправились в кино, только Елена этот фильм видела и осталась в гостинице. Когда стали рассаживаться, гасить свет, я исчез и вернулся к самому концу сеанса. Удивленные контролеры пустили меня в зал, зажегся свет... и вот он я – просто в темноте потерялся и сидел на другом месте.

Были в этой командировке и другие фокусы. По возвращении Гевондяну обо всем было соответственно доложено, особенно авторитетно, я думаю, выступил Владимир Иосифович со своей партийной прямоотой, и Елену, от греха подальше, перевели в другую бригаду, в наше помещение около ГУМа.

Позже мы с Еленой согласились с тем, что должны быть благодарны Завену Серапионовичу за то, что он развел нас по разным углам. Это наверняка спасло наши отношения и, главное, деловую репутацию Елены.

На новом месте Елена обрела душевное равновесие и со всем своим честолубием занялась делом.

А еще Елена действительно переехала из «деревни» в «столицу». Этот наш отдел был знаменит очень интересными и модными женщинами, да еще рядом легендарный магазин.

Елене очень повезло с ГИПами, немного поработав с оригинальным и незаурядным Эпштейном, она окончательно обосновалась в бригаде Севы Белого.

Сева был талантливый специалист и просто хороший человек. Мы с ним какое-то время общались на почве сочинения стишков и разных шуточек для «световой газеты». У него была небольшая, в основном женская бригада. Тон задавали Люся Дубская и Лена Потапова – женщины такой активности и стержовности, что любимый Севочка был, как за каменной стеной от всех конторских несправедливостей и посягательств. Елена прекрасно вписалась в эту компанию.

Еще в бригаде была пожилая Наталья Михайловна, по общему мнению – наказание божие, всегда громко объявлявшая свое твердое мнение по любому вопросу. Мне с ней пришлось поработать несколько месяцев на одном объекте и как-то мы хорошо ладили, в общем-то, она была умница. И Елена с ней подружилась, и потом навещала на ее пенсии. Наталья Михайловна была одна из тех, кто с симпатией относился к нам с Еленой, как к паре, и до конца ее жизни мы получали добрые поздравительные открытки «от Наташи».

Так что Елена добросовестная, во все детально вникающая, быстро стала ведущим конструктором и работала у Севы Белого до ухода на пенсию, неизменно возвращаясь к нему после житейских разлук.

Ну и, разумеется, Елена заняла свое место среди интересных женщин СКБ.

В те времена, когда все необходимое доставалось с боем, со стоянием в огромных очередях или разными хитрыми путями, женщине для того, чтобы быть хорошо и модно одетой, требовались ум, энергия, фантазия и деловая хватка.

Хорошо, что рядом был ГУМ, плохо, что денег платили мало.

Елену выручали ее швейные таланты, и большая часть ее обновок была делом собственных рук.

Теперь мы чаще всего встречались «у Вовика» – небольшой бюст Ленина в вестибюле станции метро «Театральная», стоит до сих пор.

От кульмана Елены до «Вовика» пять минут ходьбы, но я с «Сокола» всегда приезжал раньше и изнывал, пока в проеме дверей не появлялась улыбающаяся Елена.

Иногда, при хорошей погоде, мы просто гуляли. Елена еще плохо знала Москву, и я выискивал для нее что-нибудь занятное. Тогда Москва еще была небольшой красивой Москвой. В центре приютилось много небольших пустынных музеев и часто менялись разные выставки.

Было какое-то странное время, когда прорывы «оттепели» растворялись в привычном инфантилизме бедности и ограниченных возможностей.

Я завалил Елену книгами и бесконечными рассказами о своих литературных пристрастиях, любимых кинофильмах и спектаклях.

Если верно, что женщины любят ушами, то чувства в Елене должны были просто кипеть, а бедные уши, как они все это выдерживали.

Интерес Елены меня подстегивал, она смеялась именно там, где смешно и все впитывала, как губка. Поразительно, когда Елена успевала все усваивать и, вообще, выдерживать все эти перегрузки. Ведь еще дом, хозяйство и нужно поспать.

А сам-то я когда спал?

Вот и вспоминаю я то время со счастливым недоверием.

Первое время мы много ходили в кино. Очень доступно, потом в зале темно, а сидели мы всегда в последнем ряду.

Тогда в Москве каждую неделю вывешивались большие, сборные афиши всех кинотеатров и клубов и даже с расписанием сеансов. Мы эту афишу внимательно изучали и мчались куда-нибудь к черту на кулички, потому что все самое интересное показывали на окраинах.

Где-то совсем в глухомани посмотрели «Зеркало» Тарковского, в каком-то клубе отыскали «Земляничную поляну» Бергмана – невероятное тогда для нас копание в душе и в своем прошлом.

Очень смешной был английский фильм «Актер». Закулисная жизнь, снятая с веселой иронией. На тусовке мыкается пьяный актер с навязчивым вопросом: «Вот скажи, как играть заднюю часть слона, если передняя часть обьялась чесноком...»

Другая богемная жизнь – картина Вайды «Все на продажу». Но это уже душевное разделение, связанное с гибелью невероятно знаменитого Збигнева Цибульского. А на экране прекрасные Беата Тышкевич и Даниэль Ольбрыхский.

На массу афоризмов разлетелся блестящий «Айболит – 66», да еще с такой своевременной песенкой:

...Это очень хорошо, это очень хорошо,
что пока нам плохо...

Забавные грузинские короткометражки про компанию дорожных рабочих. И первые фильмы Отара Иоселиани.

А романтическое прошлое: жутковатые грузинские «Мольба» и «Древо желания». Яркие легенды Закарпатья – «Тени забытых предков», «Белая птица с черной отметиной», все в страстях, в крови, но с непременными песнями, плясками, с горами и бурными реками.

Мы находили фильмы, которые я еще студентом видел на неделях французского и итальянского кино.

А потом пошли картины Феллини, одна лучше другой: «Амаркорд», «Репетиция оркестра», «А корабль плывет», «Интервью»...

Наконец, мои обожаемые мультипликации, было как раз время их расцвета.

Когда в Москве была американская выставка с бесконечной очередью, я через разные дыры пробирался на нее несколько раз и даже утащил книжку про современное искусство. Но один раз я не вылезал из павильона мультипликации, где шли серии уморительных погонь и приключений разных зверюшек.

Все это я в лицах представлял Елене.

Какой интересной вырисовывается жизнь. Но, в общем-то, она такой и была.

С 1943 года и до ухода на пенсию в 1968 году моя мать работала в цирке на Цветном бульваре сначала билетером, а потом заведующей директорской ложей. Так я до института и ходил по кругу: дом на Трубной, школа на Самотеке и цирк на Цветном.

По цеховым связям и своему радушному характеру у матери образовалось много подруг в разных театрах. Для всех этих Вер, Нин, Тамар я был Таниным сыном и мог заходить в их театры, как в гости.

Еще в цирке, рядом со специальным входом в директорскую ложу, приютился театральный отдел Управления Культуры. Обленившиеся административные дамы меня привечали и я бегал по их просьбам на соседний Центральный рынок за продуктами к обеду. За это они меня подкармливали и разрешали брать билеты из брони, которая у них лежала кучей посреди комнаты, на круглом столе. За час до начала спектакля я мог выбирать из того, что осталось, все, что мне нравилось. Так что, театр был моим обыденным времяпрепровождением.

На сценах тогда в основном игралась советская тоска, но мастерство корифеев, все равно находило щели и прорывалось к зрителям. Этим театр и существовал.

Что-то Елена успела увидеть, я уж расстарался, но тут уже подоспело время, когда на сцену вырвалась молодежь.

Какое-то время театр Сатиры был у нас с Еленой одним из самых посещаемых. Началось его возрождение, среди авторов появились А. Арканов и Г. Горин, а на сцене – Ширвиндт, Державин, Миронов, Папанов и много других, новых и ярких. В режиссерах мелькнул Марк Захаров. То есть театр расцветал.

В стране еще продолжалась «оттепель», хотя Хрущев уже орал и топал ногами на встречах с творческой интеллигенцией.

Маленький кругленький Хрущев дал людям возможность вздохнуть после мрачной глыбы Сталина. Впервые один из молчаливых таинственных вождей открыл рот, выложил свой интеллект и развеселил страну.

Хохотали в зрительных залах, на кухнях и на работе. Ни один разговор не обходился без анекдота про главного комика страны.

Вот Хрущев на выставке картин:

– А это что за жопа с глазами?

– Да это зеркало, Никита Сергеевич.

В театре «Современник» публика рыдала от смеха на спектакле «Голый король».

Ю. Любимов вспоминал, как его и нескольких режиссеров позвали в качестве соучастников на совещание по вопросу закрытия «Современника»: «И все про „Голого короля“ разбирали: кто голый король, а кто премьер – это при Хрущеве было. И до того доразбирались, что закрыли заседание, потому что не могли понять – если Хрущев голый король, то кто же тогда премьер министр? Значит Брежнев».

Такое было сложное время, такие были заботы у партии.

А театры кипели и бурлили. Как будто распечатали коробку и высыпалось огромное количество актеров, режиссеров, драматургов.

Цензура надрывалась, запрещая и вычеркивая, но театр в совершенстве овладел эзоповым языком, намекая и подчеркивая двойной смысл. А хорошо натренированная публика все понимала, хохотала и устраивала овации.

Театр «Современник» был самым отчаянным и блестящим. На сцену выходили молодые, красивые: Ефремов, Табаков, Казаков, Даль, Евстигнеев, Вертинская, Кваша, Гафт, Волчек, Неелова, Мягков, Лаврова – и это только «самые-самые». Просто невероятно, как их сразу столько образовалось.

Мы с Еленой пересмотрели почти весь тогдашний репертуар «Современника».

Само расположение театра на площади Маяковского было очень удобным: близко от наших работ, а после спектакля бегом в метро до «Сокола» и на автобусе в Химки. Станции «Речной вокзал» еще не было.

У нас с Володией Александровым были разговоры о трилогии «Декабристы», «Народовольцы» и «Большевики». Он считал спектакли блестящими, смелыми и честными. По тем временам где-то так и было. Вот только большевиков я не любил ни в каком виде, и весь пафос этой пьесы мне казался наивным.

Ведь был уже напечатан «Один день Ивана Денисовича» и начал ходить по рукам «Ленин в Цюрихе».

Я рос под бабушкины рассказы о добром прошлом, а в реальности, которая нас окружала, над людьми издевались, вроде того, как нас гонял колхозный бригадир, когда мы с бабушкой собирали колоски в поле.

А тут сплошные честные глаза и умные разговоры.

В 1964 году по Москве прошел слух о необыкновенном спектакле, который поставил педагог Щукинского училища Юрий Любимов со своими выпускниками.

Спектакль назывался «Добрый человек из Сезуана» по пьесе Б. Брехта. Мы с Еленой смотрели его в каком-то клубе.

Все в этом спектакле было праздником: непосредственность молодых артистов, их музыкальность, пластичность движений, множество песен, на отчаянной ноте звучали стихи Цветаевой «Мой милый, что тебе я сделала...» А зонги самого Брехта очень ложились на тогдашние настроения.

Любимов потом вспоминал: «Когда спели зонг «О баранах»

Шагают бараны в ряд,

Бьют барабаны...

И второй зонг особенно:

Власти ходят по дороге...

Труп какой-то на дороге.

«Э! Да это ведь народ!»

Публика стала топтать ногами и орать: «Пов-то-рить! Пов-то-рить! Пов-то-рить» и так минут пять».

Как свидетели, можем подтвердить, что на спектакле было еще много моментов, когда эмоции зрителей перехлестывали через край. Время было такое, взволнованное.

Как и очень многие, мы с Еленой «заболели» Таганкой. Посмотрели все первые поэтические представления от «Антимиров» до «Пугачева», спектакли с Высоцким, шедевры Таганки, в том числе и «Вишневый сад», который поставил А. Эфрос.

То есть мы проучились в школе Любимова до самого ее кризиса: смерть Высоцкого, отъезд Любимова за границу и раскол труппы.

Мы с Еленой никогда не стояли в тогдашних безнадежных очередях за театральными билетами.

Обычно я рыскал по уличным театральным кассам. Была реальная возможность найти дефицитные билеты с «нагрузкой», билетами на прогоревшие спектакли.

Слава богу, билеты в театры были еще дешевы, но все равно я был весь в долгах до отъезда в Сургут.

А большей частью я «стрелял» лишние билеты у входных дверей. Задолго до начала спектакля я уже шустрил в толпе и очень наострился в этом деле. Елена всегда говорила, что я глазастый, и, действительно, я издали замечал, что человек не спроста еще далеко на подходе лезет в карман за билетом, и уже летел к нему с традиционным: «Нет лишнего билетика?» Кто-то выжидал до последнего, таких тоже нужно было не упускать из вида. Иногда женщины говорили: «Есть, пойдемте». Ну, тут я дико извинялся, дескать, мне бы билетик, а девушка уже есть.

В общем, мы попадали почти всегда. Такое было наше счастье и везение. Люди нам симпатизировали.

И, конечно, наградой была радость Елены, когда я выныривал из толпы с билетами в руках.

Где-то классе в шестом со мной за парту посадили нового мальчика, Гену Нефедычева, очень такого живого и компанейского. Скоро мы стали не разлей вода.

До этого Генка учился в балетной школе Большого театра, где физические нагрузки были запредельные. Поэтому, когда у него обнаружили проблемы с сердцем, родители Генки, напуганные тяжелой сердечной болезнью его старшей сестры, тут же перевели его в обычную школу.

Когда у нас на вечерах появились девочки, Генка был вне конкуренции. Пока мы жались по стенкам, он непринужденно подходил к даме, кланялся и приглашал на танец. Естественно, летом Генка стал жить у нас в деревне. Он приезжал со своим аккордеоном, по вечерам растягивал меха, и мы под бодрый фокстрот шагали в клуб. Народ встречал его ликованием.

Моя двоюродная сестра безнадежно сохла по Генке, и хотя была уже красавицей, но слишком маленькой. Когда в доме над ней посмеивались, а она плакала, Генка бросался ее утешать и клялся, что обязательно дождетя, когда она вырастет.

Конечно, Генка не мог забыть сцену, на которой он уже танцевал в детских кордебалетах, и мы с ним начали ходить в Большой театр.

Генкины родители поощряли этот наш интерес, иногда даже покупали нам билеты, но чаще мы сами доставали копеечные входные контрамарки, а там уже пристраивались поближе к сцене.

И вот так, под Генкины комментарии, кто есть кто и кто чего стоит, мы пересмотрели весь балетный репертуар Большого театра.

Потом, в студенческой суе и простоте Большой театр отошел, как что-то слишком торжественное, и только уже с Еленой балет стал одним из наших главных театральных пристрастий.

Есть такое красивое выражение – вспышка новой звезды. В балете сразу ярко вспыхнула целая плеяда новых балетмейстеров и молодых солистов: Григорович, Васильев, Максимова, Лиепа, Бессмертнова, Гордеев, Наталья Касаткина, Алла Осипенко, Макарова...

Мы были на заключительном концерте Международного конкурса артистов балета, где Гран-При получила балерина из незабываемой Перми – Надежда Павлова.

Продолжала блистать Майя Плисецкая. Ее «Кармен-сюита» стала эталоном нового балета.

Екатерина Максимова и Владимир Васильев слились в памяти с трогательным до слез «Щелкунчиком». Потом они же в «Анюте», и, конечно, слава богу, сохранившиеся на пленке шедевры Максимовой «Галатhea» и «Старое танго».

Нам очень нравилась Наталья Касаткина. Яркая, резкая, очень динамичная балерина, особенно хороша она была в «Половецких плясках». Под бешеную музыку на огромной сцене она носилась с таким темпераментом, что один из критиков сравнил ее с молодой кобылицей. Сравнение может и не балетное, но там все было в масть: и полуголые татары с бичами, и Касаткина с развевающейся гривой волос во главе целого табуна кордебалета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.